

А.А. Кулясова, И.П. Кулясов, Ю. Котилайнен

СОВРЕМЕННОЕ ГИБРИДНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ЛЕСНЫМ СЕКТОРОМ РОССИИ

В статье проанализированы последствия изменений в управлении лесным сектором России, связанные с реструктуризацией государственных структур лесопромышленного комплекса, трансформацией лесного сектора экономики, усилением влияния глобализации на лесные отношения в локальных масштабах. Показано, как происходит смешение различных форм управления. Этот феномен раскрыт при помощи концепции гибридности на основе общего анализа российской системы лесопромышленного комплекса и на примере лесных поселков.

The forest governance regime in Russia has been undergoing rapid restructuring in recent years. This restructuring has included changes in the state structures for forest governance, transformation of the forest industrial sector of the economy, and the introduction of new outside influences to Russia. The aim in this paper is to analyse the impacts of these transformations. The transformation of the forest governance system is a process that is essentially multi-scalar, as it involves several spatial scales. It is our aim to investigate and illustrate how forest governance is re-emerging as a multi-scalar practice in contemporary Russia. The authors will explore what are the patterns of forest governance that are being produced and, furthermore, what are the causes for variation in these patterns. The authors use hybridity concept for the analysis.

Введение

Цель данной статьи — показать смешение различных форм в современном российском управлении лесами (этот процесс смешения в научной литературе называют «*гибридизацией*») и проиллюстрировать ее на примерах изменения практик лесохозяйственной деятельности предприятий. Актуальность этой темы обусловлена тем, что в последнее десятилетие в России, особенно начиная с 2000 г., происходили быстрые и значительные изменения в управлении лесопользованием и лесопромышленным комплексом. Это связано с реструктуризацией государственных структур лесопромышленного комплекса, трансформацией лесного сектора экономики,

усилением влияния глобализации на лесные отношения в локальностях. Наша задача — дать анализ последствий этих изменений и показать, как происходит смешение различных форм управления.

Под управлением лесами мы понимаем социальную систему, задача которой — максимизация суммарных выгод от использования лесов. Ее характеристики пока остаются предметом дискуссий как внутри системы управления, так и за ее пределами. Это обусловлено тем, что само управление лесами постоянно трансформируется. В то же время в нем, как в любой другой системе, присутствует нормальное сопротивление изменениям.

При анализе примеров лесных поселков и российской системы лесоуправления мы будем использовать концепцию *гибридности* (hybridity), очень популярную сегодня среди западных исследователей в области экологической социологии (Whatmore, 2002). Одна из наиболее известных работ, излагающих данную концепцию, — книга Бруно Латур-ра «Мы никогда не были современными» (We have never been modern). В ней рассказывается об особенностях современного состояния и структуры общества, в котором наука и образ мышления приводят к видению биполярности вещей и процессов, где один полюс — природа, а другой — культура (Latour, 1993). Латур утверждает, что эту полярность можно осмыслить через концепцию гибридности.

Современные авторы развивают концепцию гибридности управления и анализируют различные типы гибридов. К примеру, рассматривались и анализировались гибридные частно-государственные соглашения (hybrid public-private arrangement) (Culter, Haufler, Ponter, 1999; Rodney, Biersteker, Biersteker, 2002). Другие авторы изучали гибридную форму управления в виде глобальной политической сети, представленной, например, такими международными организациями, как Всемирный Банк, МВФ, ООН и другими, а также международными соглашениями. Эта сеть в определенной мере осуществляет современный международный механизм координации суверенных государств (Reinike, Wolfgang, 1998; Daniel, Ivanova, 2002).

В нашей статье мы используем понятия «гибридность», «гибридизация» и «гибридное управление» в двух значени-

ях, соответствующих двум видам гибридного управления. Вполне допустимо, что гибридных форм управления больше, чем две. Но в рамках данной статьи мы будем говорить только о двух видах гибридов. Первый вид описан и проанализирован вышеприведенными авторами, и мы вслед за ними под гибридным управлением понимаем, во-первых, *такую систему управления, в которую вовлечены, кроме государственных, негосударственные акторы — коммерческие и негосударственные организации.*

Одной из современных форм гибридного управления лесами являются международные и национальные системы добровольной лесной сертификации (ДЛС) бизнеса. Эта форма управления основана на участии в нем негосударственных и государственных акторов. Системы добровольной сертификации применяются в различных сферах экономики, быстро распространяются по всему миру и рассматриваются исследователями как негосударственное, продвигаемое рынком управление (Cashor, Auld, Newson, 2004) или негосударственное регулирование систем труда (О'Рурке, 2006). Если говорить о различных системах ДЛС, то они создаются и продвигаются различными акторами: международными негосударственными организациями (НГО), бизнесом, государственными структурами. Они существенно или незначительно различаются и конкурируют между собой (Кулясова, Кулясов, 2005; Тысячнюк, Кулясова, Пчелкина, 2005: 305–326).

В России в настоящее время фактически применяется только ДЛС по системе Лесного попечительского совета (FSC)¹. Эта международная НГО создала и внедрила систему контроля экономической эффективности, экологической устойчивости и социальной ответственности лесных предприятий и компаний при заготовке и использовании древесины (Кулясов, 2004а; Кулясов, 2005: 5). Мы проанализируем последствия влияния ДЛС на жизнь лесных поселков и изменения в лесоуправлении на российские лесные предприятия и компании, встроенные в региональные и локальные контексты.

¹ Forest Stewardship Council — Лесной попечительский совет (www.fsc.org).

В качестве примеров будут даны описания и характеристики различных лесных компаний и их предприятий². Некоторые из этих предприятий сертифицированы по системе FSC, поэтому поселки, где они находятся, и сами предприятия испытывают сильное влияние глобальных процессов. Кроме того, мы проанализируем, какие факторы приводят к сходству и различиям в этих примерах. При этом мы обратимся ко второму виду гибридного управления — *совмещению советских и постсоветских рыночных практик управляющих акторов* (Kosonen, 2005: 5–21).

Реструктуризация государственной структуры лесоправления

В постсоветской России изменение управления лесами как социальной системой происходило под воздействием внутренних и внешних процессов. Внутренние процессы связаны с трансформацией социалистической экономики СССР в «постсоциалистическую» экономику России. Конечно, управление лесами трансформировалось и в Советский период, но те изменения не были такими быстрыми и радикальными, как в последние 15 лет.

Внешние процессы, влияющие на управление лесами, связаны с реструктуризацией промышленности в развитых странах и расширяющейся транснационализацией. Нарастание трансрегиональных экологических рисков подталкивало мировых экономических лидеров к принятию новых стратегий (Бек, 2000). «Позеленение» законодательства западных стран привело к внедрению новой, более экологичной техники и технологий в различных отраслях промышленности. При этом Россия представляла интерес для западного производителя как по величине возможных поставок, так и по степени отечественной подготовки научно-технических кадров, хотя и считалась страной с переходной нестабильной экономикой, продуцирующей различные риски.

² Исследования проводились в ходе международных коллективных проектов в Санкт-Петербурге и Москве, Псковской, Ленинградской, Вологодской и Архангельской областях, республиках Карелия, Коми и Адыгея, Приморском крае в 2000–2005 гг. качественными социологическими методами (Ядов, 1999).

Частью внешних процессов, приводящих к изменению управления лесами в России, является расширение деятельности международного экологического движения, прежде всего, в лице нескольких наиболее хорошо финансируемых профессиональных международных экологических НГО (экоНГО): IUCN³, WWF⁴, Greenpeace⁵, которые с середины 1990-х гг. открыли свои офисы в России. Одновременно благодаря международным и зарубежным благотворительным фондам активизировалась деятельность ряда экоНГО, входящих в крупные российские НГО (СоЭС⁶, СПбОЕ⁷). В результате на территории России стали реализовываться масштабные и локальные экологические проекты, в которые были вовлечены ученые, политики, власть и население. Эта активизация деятельности третьего сектора стала также частью внутренних процессов, приводящих к гибридизации управления.

Среди внутренних факторов, влияющих на гибридизацию управления лесами в России можно отметить то, что, во-первых, система и структуры государственного регулирования лесопользования России в последние годы постоянно изменялись. Происходило изменение законодательства. За время действия российского Лесного кодекса, принятого в 1997 г., в него были внесены существенные поправки. Например, был изменен максимальный срок аренды с 49 до 99 лет, а распоряжение сельскими лесами передано с местного уровня на республиканский, краевой и областной. Хотя с момента принятия действующего Лесного кодекса не прошло еще и 10 лет, новый Лесной кодекс после нескольких лет подготовки принят в 2005 г. в первом чтении в Государственной думе, при этом параллельно постоянно вносятся поправки в уже действующий Лесной кодекс.

³ The World Conservation Union — Международный союз охраны природы (www.iucn.ru).

⁴ World Wildlife Found — Всемирный фонд дикой природы (www.wwf.ru).

⁵ Гринпис (www.greenpeace.ru).

⁶ Международный социально-экологический союз (www.seu.ru).

⁷ Санкт-Петербургское общество естествоиспытателей (www.bio.pu.ru)

Важное отличие предлагаемого нового Лесного кодекса от прежнего — возможность частной собственности на леса и передача некоторых функций по уходу за лесом и лесовосстановлению частным предприятиям и лицам. Это является принципиально новым для современного управления лесами в России. Согласно материалам Лесного клуба, проект нового Лесного кодекса находится на момент написания статьи на слушаниях в Государственной думе, и его судьба не ясна, так как он подвергся суровой критике как широкой общественности, так и представителей науки, бизнеса, государственных структур и самого президента В.В. Путина⁸.

Во-вторых, государственные структуры управления лесами, вместе с другими государственными органами, отвечающими за охрану природы и природопользование, также постоянно трансформировались. Наиболее серьезные процессы начались с 2000 г., когда был изменен статус Государственного комитета экологии и Государственной лесной службы и они из «независимых» перешли в подчинение также трансформированного Министерства природных ресурсов. В 2004 г. Лесная служба получила в Министерстве природных ресурсов и охраны окружающей среды статус Лесного агентства. Эти административные изменения оказали существенное воздействие на российские регионы. В результате региональные и местные государственные структуры, отвечающие за пользование природными ресурсами и охрану окружающей среды, стали зависеть от местных администраций, а их бюджет — от экономики региона в целом (Кулясов, Кулясова, 2001а: 10–13).

В-третьих, произошли структурные изменения в лесной промышленности России. Приватизация государственных лесных предприятий, произошедшая в начале 1990-х гг., привела к многообразию форм собственности и созданию новых организационных структур бизнеса (групп и холдингов). Предприятия стали сильно различаться по своим размерам, условиям работы. При этом масштабы трансформационных процессов в лесной промышленности также были разными (Kuliasova, Kuliasov, 2002a).

⁸ Лесной клуб российских экоНГО (www.forest.ru).

Трансформация лесного сектора экономики

В 1990-е гг. кризис государственно-ориентированной социально-экономической системы в России и крах многих ее институтов привели к серии преобразований в лесном секторе страны, которые радикально изменили его систему управления. Эти процессы затронули как устоявшиеся горизонтальные и вертикальные связи между предприятиями, так и структуру экономического пространства в целом. В результате, например, в целлюлозно-бумажной промышленности после распада СССР произошел разрыв связей между предприятиями, и организованное пространство целой отрасли распалось на отдельные единицы предприятий (Lilja, Tainio, Törnqvist, 1994: 55-70). В этот период на отдельные единицы распались даже комбинаты, состоящие из близко расположенных предприятий (Kuliasova, Kuliasov, 2002b).

Эти же процессы происходили и в деревообрабатывающей отрасли. Таким образом, в начале — середине 1990-х гг. в лесном секторе России произошел распад на отдельные, в основном небольшие, производственные единицы. В результате приватизации лесной сектор получил множество относительно небольших предприятий, которым предстояло выстроить новые связи и организовать новое экономическое пространство отрасли. В середине 1990-х гг. практически все целлюлозно-бумажные комбинаты (ЦБК) и крупные лесодеревообрабатывающие комбинаты (ЛДК) испытывали проблемы с поставками сырья и материалов, с трудом находили рынки сбыта своей продукции. Этот феномен был характерен не только для лесной промышленности, но и для многих других секторов российской промышленности (Ioffe, Nefedova, 1998). Таким образом, экономические сети пришлось быстро перестраивать, а экономические связи на местном и региональном уровнях стали для лесных компаний и их предприятий решающими для выживания. Это привело к формированию новых локальных социально-экономических измерений.

После фрагментационного шока, который испытали предприятия лесного сектора, с середины 1990-х гг. произошла реорганизация структуры собственности. В результате развитие крупных предприятий этой отрасли и населенных

пунктов и районов, для которых они часто были поселко-, градо- и районообразующими, пошло разными путями:

(1) Лесные предприятия прекратили свое существование или были репрофилированы.

(2) Предприятия были акционированы, прошли период фрагментации и превратились в небольшие, средние и крупные лесные предприятия со статусом ЧП (частное предприятие), ООО (общество с ограниченной ответственностью), ЗАО (закрытое акционерное общество) и ОАО (открытое акционерное общество). Эти предприятия встроились в местные и региональные социально-экономические сети. Примером могут служить два исследованных нами крупных лесных предприятия — Сухонский ЦБЗ, ранее входивший в состав Сокольского ЦБК, затем распался на ряд мелких предприятий и четыре средних. Второй пример — лесное предприятие Картонгара, которое выделилось из исчезнувшего Майкопского ЦБК, а затем успешно встроилось в новые экономические и экологические условия (Кулясов, 2004б).

(3) Из жизнеспособных лесных предприятий были созданы крупные региональные лесные холдинги, включающие лесорубочные и лесоперерабатывающие предприятия. Они объединили и структурировали внутри себя множество предприятий, создав единую систему управления, тем самым создав новые региональные социально-экономические пространства. Эти холдинги значительно влияют на экономику своего региона. Можно привести пример Группы Титан — регионообразующего лесного холдинга в Архангельской области. В Вологодской области, где регионообразующими предприятием является предприятие другого профиля — ОАО «Северсталь», лесная промышленность тоже представлена тремя холдингами — «Череповецлес», «Вологодские лесопромышленники» и «Кипеловолес».

(4) Были созданы российские лесные компании, в которые вошли различные предприятия (лесорубочные, ЦБК, ЛДК, мебельные, производители канцтоваров и т.д.), находящиеся в разных регионах страны. Были сформированы новые транслокальные сети и социально-экономические пространства, которые становились частью региональных и национальных социально-экономических сетей. Наиболее характерный пример такого транслокального объединения —

компания Илим Палп Энтерпрайз, имеющая головной офис в Санкт-Петербурге, а предприятия — на Северо-Западе России и в Восточной Сибири (Kobuzev, 2001). Еще одним примером может служить ОАО «Сокольский ЦБК», владельцем которого является московская инвестиционная Группа Фокс, имеющая ряд предприятий в Вологде, Московской и Тульской областях (Кулясов, Кулясова, 2003: 88–126).

(5) Этот путь представлен также российскими лесными холдингами и инвестиционными группами, имеющими филиалы и предприятия за рубежом. Такие холдинги выстраивают сложные транслокальные и транснациональные социально-экономические сети. При этом холдинги прямо или косвенно являются акционерами многих предприятий, участников этой сети. Таким примером является концерн Орими, акционер ПЛО «Онегалес» — районообразующей лесной компании в Онежском районе Архангельской области, в состав которой входит ООО «Онежский ЛДК», в свою очередь являющееся основным акционером ряда лесорубочных предприятий, в том числе сертифицированного по системе FSC ОАО «Малошуйкалес» (Кулясова, Пчелкина, 2004).

Предыдущие и этот пути развития наиболее соответствуют государственной идее создания сильного лесного сектора России, в котором крупными российскими компаниями создаются новые масштабные социально-экономические пространства. Это происходит за счет покупки наиболее значимых ЛДК и ЦБК по всей России, их экономической и экологической модернизации. Таким образом, происходит реструктурирование и сохранение отечественной лесной промышленности.

(6) Последний путь представлен прямыми зарубежными инвестициями в российский лесной сектор. Это означает включение территорий России в транснациональные социально-экономические сети, перенесение зарубежных практик управления компанией и предприятием на российскую почву, проявление глобализационных процессов в конкретных российских локальностях, создание новых транснациональных пространств и проявление многомерности лесного управления в конкретной локальности. В 2004 г. тремя крупнейшими по объему производства в мировом лесном секторе компаниями являлись шведско-финская компания

Стура Энсо (Stora Enso), американская компания Интернэшнл Пейпа (International Paper) и финская ЮПМ Кумене (UPM Kymmene). Все эти компании имеют свои предприятия в лесном секторе России. Интернэшнл Пейпа владеет Светогорским ЦБК, а Стура Энсо и ЮПМ Кумене имеют по два крупных лесопильных завода в России, а также дочерние лесорубочные компании. В этом же ряду находится и сравнительно небольшая немецкая лесная компания «Холз Даммерс Моерс», владелец компании ООО «Даммерс», расположенной в Архангельске, которая является основным акционером ОАО «Двинской ЛПХ» (Пчелкина, Кулясова, Кулясов, 2004: 27–29).

Однако следует подчеркнуть, что прямые зарубежные инвестиции в лесной российский сектор достаточно редки. Основное влияние на лесной сектор России зарубежные компании оказывают через интенсивный импорт российского круглого леса и продуктов лесопиления. Поток российского сырья за рубеж столь велик, что лесной сектор соседних Европейских стран, например Финляндии, стал сильно зависеть от России. При этом важно отметить, что потребности и ожидания акторов, участвующих в экспорте круглого леса и пиломатериалов из России, играют важную роль в формировании системы управления лесами.

В целом современная структура управления в российском лесном секторе включает в себя локальное, региональное, национальное, транснациональное «измерения» (scale — Kortelainen, Kotilainen, 2001: 384–402) или «уровни» (Кулясова, Кулясов, 2001б). Эти измерения, как правило, смешиваются, переплетаются и влияют друг на друга, образуя многомерные феномены управления. Внутри конкретных локальностей, где расположены предприятия лесного сектора, происходят процессы, соединяющие их с различными уровнями. Этлингер называет это различными местными «траекториями» (trajectories) (Ettlinger, 1999: 335–357).

В конкретных частных случаях влияние различных траекторий, уровней или измерений не является иерархическим, зачастую оно равнозначно (Howitt, 2002: 299–313, 2003). Мы считаем, что сила влияния и её характеристики неоднородны во времени и пространстве, поэтому определя-

ют потенциал и само управление. Поэтому мы предлагаем под терминами «глобальный, региональный или локальный уровень» не воспринимать иерархическую, «застывшую» социальную систему, где низший уровень подчинен высшему. Процессы одного уровня (измерения, траектории) влияют на процессы, происходящие на других уровнях, таким образом, участники сети акторов одного уровня влияют на акторов сети другого уровня.

При этом подчеркнем, что уровень пространственно и институционально не локализован как, например, региональное или федеральное административное агентство, а представляет сеть акторов, пространственно отделенных друг от друга. С другой стороны, можно сказать, что существуют некие пространственно-временные социальные единицы, например национальные государства. И если мы заглянем внутрь этой единицы, то увидим, что она на самом деле состоит из сетей, т.е. решающим для определения уровня являются сети, которые создаются, а лучше сказать конструируются, и используются акторами. Именно эти сети производят и выстраивают уровни, которые мы называем локальными, региональными, национальными, транснациональными. Уровни появляются только в результате их конструирования, в ходе которого появляется специфическое пространство уровня и его исторический контекст.

В этой статье исторический контекст мы увязываем с лесным сектором российской экономики и с российскими локальностями, зависимыми от этого сектора. Позиция локальности в этой связи, безусловно, тоже сконструирована. Весь этот набор конструктов и производит многомерность и многоуровневость в управлении российскими лесами.

Усиление влияния глобализации на лесные отношения в локальностях

Фактором, создающим гибридность системы управления, является растущее влияние на нее общественных организаций. Этому сопутствовали крупные конфликты между лесными компаниями и международными эоНГО, что существенно повлияло на дальнейшее развитие лесного сектора как в мире, так и в России. Один из крупных конфликтов произошел по поводу Карельских лесов на Северо-Западе

России. В конце 1990-х гг. ряд международных экоНГО, в том числе Гринпис и Сеть спасения Тайги, начали кампанию против использования древесины из старовозрастных лесов Карелии. После интенсивной протестной кампании, проведенной в Северной Германии, они вышли на переговоры с финской группой (Enso Group) компании Стура Энсо, а после этого и с другими крупными компаниями, работавшими в Карелии. В ходе этого конфликта Стура Энсо потеряла значительные убытки, так как потеряла часть своих покупателей, не одобрявших ее действий. В результате лесные компании наложили мораторий на вырубку старовозрастных лесов на приграничной с Финляндией территории. Ряд подобных конфликтов с теми же последствиями для компаний повлиял на отношение компаний к международным экоНГО. У лесных компаний появилась решимость адаптироваться к новым экологическим требованиям. Это выразилось в принятии в компаниях экологических политик и прохождении ДЛС по системе FSC (Тысячнюк, 2003а, 2003б).

Итак, мы перечислили наиболее значимые глобальные и региональные факторы, влияющие на трансформацию лесного управления в России. К этому можно добавить, что местные условия также влияют на то, каким образом управление лесами реструктурируется (Кулясов, Кулясова, Пчелкина, 2005: 154-168). Например, в приграничных районах западное социально-экономическое регулирование может оказывать существенное влияние на российское управление лесами, гораздо большее, чем в других регионах. Внедрение в России международной ДЛС иллюстрирует это утверждение. Причина появления ДЛС — усиление зарубежного, западно-европейского (особенно таких стран Евросоюза, как Германия, Нидерланды, Бельгия) влияния на российский рынок круглого леса. Рынки этих стран все чаще требуют продукции, которая была бы продуктом устойчивого лесопользования. Следовательно, если продукция производится из российского круглого леса или пиломатериалов, то эти требования распространяются и на территорию России.

Более того, в последние годы некоторые Европейские страны приняли новую политику, в соответствии с которой

все закупаемые государственными структурами продукты деревообработки должны быть сертифицированы. В ответ на это требование в России начата подготовка нескольких систем сертификации. Однако в настоящее время в России применяется только система FSC. По данным FSC International, на сентябрь 2005 г. площадь сертифицированных лесов Российской федерации составила 6,36 млн га, это примерно 10 % от мировой площади лесов, сертифицированных по системе FSC.

Сертификатами владеют 20 компаний, расположенных на Северо-Западе Европейской части, Юге Сибири, Дальнем Востоке. В их число входят такие лидеры лесной отрасли, как корпорация Илим Палп Энтерпрайз, Группа Титан / Архангельский ЦБК, Соломбальский ЛДК, ПЛС «Онегалес» / Онежский ЛДК, Монди Бизнес Пейпа, Новоеисейский ЛПХ, Лесосибирский ЛДК-1, Череповецлес, Тернейлес и др. Они приняли комплексные программы ДЛС своих лесов, предусматривающие сертификацию собственных арендных площадей и сертификацию цепи поставок, включающую мероприятия по отслеживанию легальности происхождения древесины, лесоохране и лесовосстановлению.

Анализ частных случаев

Для того чтобы зримо показать изменения управления лесами и типы гибридного управления, приведем анализ деятельности лесных поселкообразующих предприятий в двух лесных поселках Архангельской области. Эти поселки и предприятия сравнимы между собой по масштабу деятельности, количеству жителей и работников предприятия, условиям хозяйствования. Оба предприятия сертифицированы по системе FSC.

Сравнение исторических контекстов лесных поселков

Как упоминалось выше, исторический контекст мы увязываем с лесным сектором и с локальностями, зависимыми от этого сектора. Рассмотрим, какой исторический контекст создан изученными нами локальностями. В поселке Малошуйка Онежского района Архангельской области действует ОАО «Малошуйкалес», а в поселке Двинской Холмогорского района той же области — ОАО «Двинской ЛПХ». Оба

поселка возникли в советский период в местах, где ранее не было населенных пунктов. При выборе места для поселков главным аргументом была близость предназначенных к вырубке лесов и коммуникаций для их транспортировки. Оба поселка расположены на болоте. Автомобильное сообщение в весенне-осенний период затруднено или отсутствует. Зато в зимний период после промерзания почвы болотистая местность становится хорошо проходимой для транспорта. Различаются поселки тем, что Малошуйка — это железнодорожная станция, а Двинской расположен в стороне от железной дороги, на Северной Двине. Наличие железнодорожной станции, второго предприятия в поселке Малошуйка, помогло местному сообществу легче пережить социально-экономический кризис середины 1990-х гг. В Двинском в этот период единственным предприятием оставался леспромхоз.

Население Малошуйки складывалось из людей, приехавших из разных областей и республик СССР. Двинской, наоборот, населялся преимущественно местными жителями, выходцами из соседних деревень. Возможно, это различие и объясняет большую социальную апатию жителей Малошуйки, которые по-прежнему ощущают себя людьми, которые не находятся «дома», «приехали на заработки», но социально-экономический кризис 1990-х «вынудил» их остаться в поселке. В советский период оба поселка находились на балансе леспромхозов. Малошуйский ЛПХ в Советский период был более крупным и процветающим, чем Двинской ЛПХ. Трансформация российской экономики в начале и середине 1990-х годов в обоих случаях привела к экономическим трудностям в леспромхозах. В результате были ликвидированы все сопутствующие производства, а поддержка инфраструктуры поселка легла слишком тяжким бременем на предприятия, в результате чего и Малошуйский, и Двинской ЛПХ оказались в долгах. Но предприятия искали выход из сложившейся ситуации.

Изменения на предприятиях и в поселках в период реформ как отражение трансформации лесного сектора российской экономики

В первой половине 1990-х гг. оба предприятия были акционированы, но дальше пошли разными путями. Малошуйский ЛПХ сохранил прежние связи с Онежским ЛДК, куда он поставлял круглый лес, но из-за большого количества долгов не мог нормально функционировать. На предприятии не покупалась новая техника, не выплачивалась зарплата. Во второй половине 1990-х гг. было создано новое предприятие ОАО «Малошуйкалес», акционеры которого выкупили большую часть материальной и арендной базы обанкротившегося Малошуйского ЛПХ. Его основным акционером стал ОАО «Онежский ЛДК», а Малошуйский ЛПХ, проработав еще несколько лет, прошел процедуру банкротства и перестал существовать. Таким образом, на смену советскому предприятию пришло рыночное, где акционер, заинтересованный в поставке сырья, получил новое жизнеспособное предприятие, не имеющее долгов и формально не имеющее обязательств по поддержанию поселковой инфраструктуры.

В отличие от Малошуйского ЛПХ производственные связи Двинского ЛПХ оказались в большей степени разорваны. В то время большинство предприятий отрасли не могли выжить без крупного акционера, который, будучи заинтересованным в стабильном поставщике, мог бы вложить деньги в производство. Для Двинского ЛПХ таким стало немецкое предприятие ООО «Даммерс», созданное в Архангельске, владельцем которого является немецкая компания Холз Даммерс Моерс. Двинской ЛПХ не проходил процедуру банкротства, поэтому сохранил долги и продолжает частично поддерживать социальную инфраструктуру поселка.

Различия в акционировании стали одной из причин различий дальнейшего развития предприятий. Так, Малошуйкалес стабильно выплачивало налоги и зарплату, акционер этого предприятия финансировал покупку современной лесорубочной техники — харвестеров и форвардеров, постоянно обновлял парк техники. В Двинском ЛПХ вплоть до 2005 г. были определенные проблемы со своевременной выплатой зарплаты. Акционер Двинского ЛПХ не вкладывал

вал деньги в новую технику и по этой причине часто имел проблемы с вывозкой срубленной древесины, платил за это штрафы Емецкому лесхозу.

Очевидно, что социально-экономическое положение Малошуйкалес более стабильно, чем у Двинского ЛПХ. Еще одна причина стабильности работы Малошуйкалес — долгосрочная аренда леса. Этот аспект иллюстрирует изменение политики государственного управления лесной отраслью. Малошуйкалес и Двинской ЛПХ обладают сходным объемом лесосеки и количеством работающих. Основным различием является срок аренды лесной площади. Долгосрочная аренда леса — это ключевой момент выполнения требований FSC. Если в случае Малошуйкалес это 49 лет, то срок аренды Двинского ЛПХ в 2004 г. вновь продлен только на 5 лет, поэтому его дальнейшее лесопользование находится под вопросом. Таким образом, основному акционеру Двинского ЛПХ, компании Даммерс, невыгодно инвестировать новую технику в Двинской ЛПХ, который может остаться без арендных площадей и обанкротиться.

Гибридизация советских и постсоветских рыночных практик.

Реструктуризация управления природными ресурсами и экономическая трансформация в период реформ привели к гибридности лесопользования, то есть к своеобразному сочетанию рыночных и советских форм в управлении лесными поселкообразующими предприятиями, т.е. произошла гибридизация советских и постсоветских рыночных практик управляющих акторов. Проиллюстрируем это примерами.

Формально Малошуйкалес и Двинской ЛПХ считаются самостоятельными предприятиями, но, по сути, они подразделения более крупных компаний, которым принадлежит их контрольный пакет акций. Экономическая, социальная и экологическая политика Малошуйкалес и Двинского ЛПХ полностью определяется их хозяевами. Создана такая структура управления, когда все экономические показатели, особенно зарплата и инвестиции, ежемесячно контролируются основными акционерами. В случае с Двинским ЛПХ контроль был еще более жестким, контролировалась кадровая политика, текущие хозяйственные операции, трудовая дисциплина.

В отличие от Двинского ЛПХ Малошуйкалес находится в состоянии стабильного управления. Его директор — местный житель, специалист по лесу, он пользуется достаточной независимостью от руководства Онежского ЛДК при осуществлении планов лесопользования. В Двинском ЛПХ за 10 лет сменилось 10 назначенных Даммерс директоров, большинство из которых не имели лесного образования. Большинство этих директоров не жили в поселке Двинском, не могли принимать управленческих решений без санкции Совета директоров Даммерс, не пользовались авторитетом у своих работников. Поэтому руководство Даммерс Двинским ЛПХ было часто неэффективно. Таким образом, мы видим, что рыночная акционерная форма, предполагающая достаточно большую свободу акционеров, содержит внутри административно-командные рычаги, вполне соответствующие иерархическим отношениям предприятия и его подразделений, существовавшим в советский период.

Еще одной формой проявления советско-постсоветского гибрида практик управления является практика патернализма предприятий. Мы уже писали о том, что в советский период вся социальная инфраструктура поселков принадлежала поселкообразующим предприятиям и поддерживалась ими. Естественность патернализма соответствовала общей структуре советского государства. Эта структура в локальностях конструировалась как со стороны руководства предприятий, которое брало на себя полную ответственность за жизнь поселка, так и со стороны жителей поселка, которые видели в предприятии единственный источник своего существования.

Например, в интервью жители поселка Малошуйка вспоминали, что в советские период зарплаты были высокие, работники предприятия снабжались импортными «дефицитными» товарами, часто получали профсоюзные путевки на юг в санатории и дома отдыха. Жизнь в поселке респонденты вспоминали с ностальгией, считали, что она была «очень хорошей». Поэтому и сейчас жители считают, что предприятие должно обеспечивать их жизнь. Их требования к социальным программам предприятия высоки, так как они сравнивают их с советским периодом. Жители поселка Двинского вспоминают советский период как время, когда все-

гда была работа и стабильная зарплата, но не испытывают по его поводу иллюзии «потерянного рая». Их требования к своему предприятию более четко сформулированы и обоснованы — стабильная занятость и своевременная выплата зарплаты в соответствии с трудовым договором. Однако и к тому, и к другому предприятию жители предъявляют социальные требования. С другой стороны, руководители предприятий также продолжают и в период реформ воспроизводить и конструировать элементы взаимоотношений советского периода.

Директор ОАО Малошуйка чувствует себя местным жителем, частью местного сообщества, поэтому считает, что на Севере предприятие обязано, например, обеспечивать население дровами либо бесплатно в виде «шефской» помощи, либо по ценам в соответствии с его покупательской способностью. Его установки согласуются с требованиями FSC, в результате на предприятии разработана соответствующая долгосрочная социальная программа. В рамках ДЛС по системе FSC Малошуйкалес прикладывает усилия для развития общественной активности. Было инициировано создание профсоюза, школьного лесничества и детского экологического кружка, проведен ряд мероприятий для просвещения работников, заведен журнал учета жалоб и предложений граждан.

Социальные требования FSC во многом совпадают с «советскими» представлениями жителей об ответственности предприятия перед местным сообществом. В случае Малошуйкалес эти представления разделяет и остальное руководство предприятия, которое также состоит из местных жителей. Малошуйкалес наладило снабжение дровами своих работников и пенсионеров по льготным ценам, которые ниже себестоимости, обеспечивает горючим местные дизельные электростанции для деревень, где расположены лесопункты. В 2004 г. большая часть этих деревень за счет предприятия была подключена к единой энергетической системе, то есть в них электричество стало подаваться постоянно. Предприятие обеспечивает 25 путевок в год на оздоровление для детей и взрослых, закупает спецодежду зарубежного производства с повышенной прочностью (стоимость такой спецодежды около 9 тыс. руб. за комплект). Подоб-

ная спецодежда закупается предприятием только в связи с требованиями FSC и импортеров, поскольку российское законодательство об охране труда ее не требует.

У Малошуйкалес есть план социального развития до 2052 г. Согласно плану, новые рабочие обучаются за счет предприятия и принимаются на работу из местного населения. Подтверждением этому служит факт отказа от найма бригад лесорубов из других регионов России. В данном случае можно говорить, что социальная направленность ДЛС по системе FSC, представления руководства предприятия Малошуйкалес и нужды местного сообщества поселка Малошуйка совпали. Таким образом, можно говорить о гибридности управления российского лесного бизнеса в локальностях, которая проявляется в сочетании советских и постсоветских практик управления, в том числе в сочетании российских и международных стандартов лесопользования и лесопользования.

Руководители Двинского ЛПХ часто менялись и были достаточно формальными фигурами. Поэтому мы можем говорить только о представлениях бывшего генерального директора ООО «Даммерс», ставшего в 2005 г. генеральным директором Двинского ЛПХ, но являвшегося все годы фактическим его руководителем. Он не воспринимает себя «местным», поскольку живет в Архангельске. Как мы уже отмечали, на балансе его предприятия осталось много социальных объектов, кроме того, слабость местной власти и ее зависимость от единственного предприятия заставляет его проводить собственную социальную поддержку поселка. Правда, его представления о ней не всегда совпадают с ожиданиями жителей.

Двинской ЛПХ поддерживает ключевую социальную инфраструктуру — паромную переправу, пожарную часть, пекарню, магазин. Он также оказывает помощь, школе, клубу, библиотеке. Такая социальная нагрузка достаточно обременительна, потому что только пекарня и магазин приносят доход, остальные структуры дотационные. Поэтому со стороны предприятия в лице его фактического управляющего, периодически поднимается вопрос о прекращении финансовой помощи. При этом предлагается помощь по трансформации неприбыльных социальных структур в при-

быльные. Но так как это часто предполагает увеличение стоимости услуг для местного населения, то поддержки от местного населения такие инициативы не получают. Этот феномен сохранения патернализма предприятия для местного сообщества также создает советско-рыночный гибрид управления.

Влияние глобализации на лесные предприятия в лесных поселках

Рассмотрим на тех же самых примерах проявление другого вида гибрида — многоакторного и транслокального управления. Этот гибрид проявился через продвижение глобальными акторами в российские локальности ДЛС по системе FSC. Изменение лесопользования проходило под давлением международных эконоНГО, в первую очередь направленного на российских экспортеров и зарубежных продавцов лесопиломатериалов и продукции из древесины промежуточным и конечным потребителям.

В рассматриваемых случаях решение о прохождении ДЛС по системе FSC принадлежали не Двинскому ЛПХ и Малошуйкалес, а их основным акционерам — немецкой компании Холз Даммерс Моерс и российскому концерну Орими, действующим на транснациональном уровне. Их целью было стабилизировать поставки на западный рынок, ставший в последние годы экологически чувствительным благодаря большой разъяснительной работе среди потребителей и громким акциям протеста⁹ местных, региональных и национальных эконоНГО, поддерживаемых международной эконоНГО «Гринпис».

Для Двинского ЛПХ аудиторскую фирму определила Холз Даммерс Моерс, а подготовкой к сертификации после преаудита Даммерс занималась в течение года самостоятельно. Подготовка к сертификации и поиск аудиторов для Малошуйкалес осуществлялся Онежским ЛДЖ в сотрудничестве с Архангельским Центром по ДЛС, образовавшемся

⁹ Протест был направлен против истощительного лесопользования в тропических и бореальных лесах, рубок старовозрастных (девственных) лесов и снижения биоразнообразия, а также ущемлении прав коренных жителей на традиционное лесопользование.

на базе Северного научно-исследовательского института лесного хозяйства. В результате подготовка у Малошуйкалес была проведена более качественно, с учетом местных особенностей. Двинской ЛПХ был сертифицирован в 2000 г. с очень большим количеством замечаний, а Малошуйкалес в 2003 г. — с небольшим.

В результате ДЛС по системе FSC на предприятиях произошло изменение системы лесоуправления — изменились экономические, социальные и экологические практики, а головные структуры предприятий получили определенную выгоду. Холз Даммерс Моерс увеличил свой доход, поскольку полностью сертифицировал всю цепочку от производителя к потребителю и получил право ставить на продукцию клеймо FSC. Основная выгода, которую получил Онежский ЛДК, — это имидж «экологически ответственного лесопользователя». Сертифицировать всю цепочку он тогда не мог, так как была слишком мала доля сертифицированной древесины в общем объеме поставок. Но подготовка к сертификации и разработка экологической политики помогли Онежскому ЛДК получить другой сертификат — ИСО-14001 (экологический менеджмент). Успешный опыт сертификации Малошуйкалес помог Онежскому ЛДК, а в настоящее время уже ПЛС «Онегалес» провести с 2004 по 2005 гг. ДЛС по системе FSC всех своих основных поставщиков.

Новая гибридная система управления показала свою потенциальную эффективность для предприятий. Приведем несколько экономических показателей, которые говорят об улучшении ситуации на Малошуйкалес в связи с ДЛС. Это предприятие получило в 2003–2004 гг. от Онежского ЛДК крупные инвестиции на обновление техники. Так, в 2004 г. они составили 26 млн руб., которые были потрачены на приобретение и внедрение новых лесовозов и автоматизированных лесозаготовительных комплексов (форвардеров и харвестеров), в результате чего выработка возросла за 2004 г. в 1,6 раза. Ежемесячная зарплата в 2005 г. возросла по сравнению с 2002 г. в 1,8 раза, и стала в среднем 7530 руб. В Двинском ЛПХ по этим показателям существенных изменений не происходило, поскольку Двинским ЛПХ не получена долгосрочная аренда участков леса. Это свидетельствует о том, что ДЛС не ведет автоматически к экономи-

ческим улучшениям на предприятии и в поселке, но создает условия и подталкивает лесное предприятие и его акционеров к этим улучшениям.

На примере некоторых практик лесоуправления на обоих предприятиях можно наиболее четко увидеть сложное взаимовлияние различных акторов. В тех случаях, когда требования ДЛС не совпадают или даже противоречат требованиям региональных государственных органов, международные требования оказываются приоритетными при выборе стратегии лесоуправления. Например, Двинской ЛПХ и Малошуйкалес проводят выборочные рубки. Известно, что выборочные рубки при полном цикле повышают в несколько раз экономическую эффективность одного гектара леса (выход пиломатериалов с одного гектара). Такие рубки крайне выгодны для лесных предприятий, продукция которых полностью идет на производство пиломатериалов и затем на экспорт. ДЛС требует от предприятий определенный процент выборочных рубок и подталкивает переходить на них на более обширных площадях. Но региональные власти при согласовании планов рубок не идут навстречу таким предприятиям, а заставляют их заниматься сплошными рубками, обосновывая это советскими научными разработками и основанными на них постсоветскими нормами и правилами. Такая политика направлена на сиюминутную выгоду — увеличение полученных с предприятия налогов, сохранения рабочих мест и обеспечение региональных ЦБК неподходящей для лесопиления древесиной, а также на «производство» дров для населения, избыток которых делает их достаточно дешевыми и часто даже бесплатными.

В связи с частичным несоответствием российских лесозаготовительных норм и правил международным стандартам FSC между предприятием и государственным органом как различными акторами управления даже может возникнуть конфликт. Но, как мы увидим из примера ниже, суть конфликта бывает не столько в самих противоречиях международных и российских норм и правил, сколько в сложности встраивания предприятия в региональные сети управления. Двинской ЛПХ находился в состоянии конфликта с арендодателем — Емецким лесхозом. Но это формальный повод, а неформальным является то, что главный лес-

ничей и сотрудники лесхоза при подготовке и прохождении Двинским ЛПХ сертификации не были вовлечены в этот процесс акционерами — компаниями Холз Даммерс Моерс и Даммерс — и WWF. Таким образом, у них не был сформирован привлекательный образ ДЛС по системе FSC.

Малошуйкалес разрешил такие проблемы через посредничество своего акционера — Онежского ЛДК и Архангельского Центра по ДЛС. Руководство Онежского лесхоза и региональных природоохранных структур Архангельской области было вовлечено в проводимые WWF межсекторальные семинары и конференции, в том числе и зарубежные, где давалось теоретическое сравнение международных и российских норм и правил лесопользования и лесосоуправления. Более того, это сравнение участники могли провести сами, посетив модельные леса и лесосеки лесных предприятий в России и за рубежом, сертифицированных по системе FSC. В результате между Малошуйкалес и Онежским лесхозом была достигнута договоренность на региональном уровне — дано временное разрешение Главного управления природных ресурсов и охраны окружающей среды Архангельской области (федеральная структура, в подчинении которой находился Онежский лесхоз) на «экспериментальное лесопользование по скандинавской системе». Таким образом, в одном случае предприятие было лишь формально встроено в местную сеть управления и не получило поддержки при нововведениях, в другом случае хорошо выстроенные связи помогли предприятию получить поддержку инноваций.

Эта ситуация объясняется еще и региональным контекстом, который имеет свои специфические, исторически сложившиеся черты структуры управления. Лесная отрасль Архангельского региона поделена между крупными российскими структурами бизнеса. Проблемы лесопользования по международным стандартам у Двинского ЛПХ, возможно, объясняются еще и тем, что Даммерс — это средняя компания, не оказывающая влияния на региональную лесную политику. Её хозяин — немецкая компания Холз Даммерс Моерс — является независимой иностранной структурой бизнеса, обосновавшейся в Архангельском регионе еще до того, как лесная отрасль была поделена. И теперь Даммерс

не может быть ни поглощен, ни признан полноправным региональным партнером.

Влияние глобального фактора — международных эконоН-ГО — на практики сертифицированных предприятий настолько сильно, что предприятия идут даже на определенные экономические потери, чтобы сохранить имидж и возможность работать на экологически чувствительном западном рынке. Например, Даммерс и Онежский ЛДК, каждый в отдельности, подписали соглашение с Гринпис о моратории на 5 лет на рубки в старовозрастных (девственных) лесах, находящихся на их арендованных площадях¹⁰. Кроме того, этими лесными предприятиями планируется после окончания моратория сохранить часть этих лесов в виде расширенных водоохраных зон вокруг водных объектов. При этом предприятия продолжают платить арендную плату за эти участки, как если бы они могли на них рубить. Соглашаясь с Гринпис по поводу ценности таких лесов, они все же относятся к ним как к «спелым», которые могут «переспеть и пропасть». Поэтому, несмотря на то, что они признают международный авторитет Гринпис и специалистов-экологов, в планах они рассматривают такие леса как «резерв» или «места ограниченного лесопользования».

На арендованных Малошуйкалес площадях проводятся финансируемые предприятием научные исследования редких видов флоры и фауны для выделения небольших участков леса под оставляемые ключевые биотопы. В связи с этим в 2004 г. из расчетной лесосеки было выведено около 28 тыс. кубометров древесины. Эта территория, за счет которой была сокращена расчетная лесосека, была передана в государственный лесной фонд и получила статус особо охраняемой природной территории, но при этом охрану этого леса продолжает осуществлять Малошуйкалес. Произошли улучшения и по другим экологическим показателям, в том числе по оставлению подростка на вырубках. Это стало возможно благодаря новым технологиям и технике.

¹⁰ Это постоянная тактика Гринпис — подписывать со всеми сертифицирующимися по системе FSC лесными предприятиями соглашения о моратории на рубки в старовозрастных (девственных) лесах. Также выделяются леса для сохранения биоразнообразия, и тогда подписывается соглашение о моратории на рубки в лесах высокой природоохранной ценности.

Встраивание российских сертифицированных предприятий в глобальные сети негосударственного управления отмечено независимыми рейтинговыми агентствами, например Экспертом РА¹¹. Онежский ЛДК занимал высокие места в экологическом рейтинге, а Даммерс поначалу занимал нижние места в связи с тем, что в 2002 г. действие сертификата Двинского ЛПХ было приостановлено из-за несвоевременной выплаты зарплаты и нарушения правил лесопользования. В 2003 г. сертификат был возобновлен, так как экологические требования стали соблюдаться и задолженность по зарплате была частично погашена. В 2005 г. экорейтинг Даммерс поднялся благодаря тому, что он вновь провел основной аудит FSC¹², значительно улучшил экономические, экологические и социальные показатели, стал членом учрежденной WWF международной НГО «Союз экологически ответственных лесопромышленников».

Влияние глобального процесса на управление в лесном секторе выразилось и в социальных требованиях ДЛС по системе FSC, которые включают общественное участие в принятии решений по лесопромышленности, информирование местного населения о социально-экономических и экологических аспектах сертификации, улучшение условий труда рабочих, стабильную выплату зарплаты. В поселках Двинском и Малошуйке сертифицированные лесные предприятия стремятся информировать рабочих и местное население об экологических требованиях ДЛС. Деятельность Двинского ЛПХ в этом направлении более успешна, чем у Малошуйкалес. Большинство рабочих Двинского ЛПХ могли пересказать и объяснить экономические и экологические требования, тогда как рабочие Малошуйкалес информированы только о факте сертификации предприятия.

Однако акцент на информирование был сделан в Двинском ЛПХ только после приостановки сертификата, произошедшей не только по вине руководства, но и самих рабочих, которые грубо нарушили правила лесопользования. Что

¹¹ www.raexpert.ru.

¹² По правилам FSC, после предаудита и основного аудита сертификат дается на 5 лет, затем проводится ежегодный аудит. По истечении 5 лет для получения сертификата нужно вновь проходить основной аудит.

касается общественности, ни в Малошуйке, ни в Двинском местные жители практически не участвовали в выработке новой экономической, социальной и экологической политики предприятия, не знали о социальных требованиях ДЛС и о процедуре общественного участия. Из-за острых конфликтов по трудовому законодательству и заработной плате ситуация в Двинском изменилась. Местное сообщество вступило в диалог с предприятием и на уровне консультаций со стейкхолдерами стало обсуждать интересующие вопросы.

Заключение

В статье мы проанализировали последствия изменений управления лесного сектора России и раскрыли, как происходит гибридизация различных форм управления. Примеры локальностей в виде лесных предприятий и лесных поселков показывают существование двух процессов гибридизации управления лесами в России. Во-первых, в виде дополнения к традиционной государственной системе управления появляются новые рычаги регулирования со стороны самих предприятий и международных эконоНГО, которые постепенно создают негосударственную систему управления. Эта новая система действует в России пока только для отдельных лесных компаний и на отдельных территориях, там, где компании ориентированы на экспорт на экологически чувствительные западные рынки. Но есть тенденция быстрого усиления и расширения этого феномена.

Во-вторых, в российской системе управления лесами сочетаются черты, унаследованные от советской системы и черты постсоветской рыночной экономики, переходящие в черты новых транснациональных систем, привнесенных глобальным рынком и ДЛС. Происходит гибридизация советских, постсоветских и глобализационных рыночных практик управляющих акторов. Рыночная акционерная форма, предполагающая достаточно большую свободу акционеров, содержит внутри административно-командные рычаги, соответствующие иерархическим отношениям предприятия и его подразделений, существовавшим в советский период. Кроме того, проявлением советско-постсоветского гибрида практик управления является практика патернализма предприятий по отношению к лесным посел-

кам, в которых они находятся. Таким образом, получается, что гибридные формы управления произведены не Россией и не Западом, но представляют собой новый способ управления локальными социально-экологическими системами. Более того, управление лесами, особенно ДЛС как форма этого управления, является масштабным процессом, в котором участвуют акторы, принадлежащие различным уровням и социальным средам.

Глобальные стандарты ДЛС по системе FSC, локализуясь в России, становятся стратегией лесопользования региональных лесных компаний и их местных предприятий. Поскольку отдельные параметры стандартов частично входят в противоречие с российским лесным законодательством, государственные лесные службы либо находят возможность поддержать «новую, полезную» деятельность лесного предприятия, либо всячески противодействуют «чужим, незаконным» практикам лесопользования. В обоих случаях затем, как показывает мировой опыт, в национальное законодательство вносятся поправки, разрешающие лесным предприятиям действовать в соответствии с международными правилами и стандартами. Это говорит об усилении влияния международных сетей бизнеса и третьего сектора на национальное и региональное законодательство, глобальном переходе к негосударственным системам управления и их гибридизации.

На Западе уже достигнута определенная степень межсекторальной договоренности. Борьба третьего сектора (общественности) со вторым (бизнесом) в области экологии проходит в странах Запада с участием российских представительств международных эконоНГО. Для успешного прохождения ДЛС лесная компания и ее предприятия должны быть включены не только в сети регионального и международного бизнеса, но и в международные сети экологических общественных организаций как члены ассоциаций экологически и социально ответственных лесопользователей.

Российский бизнес, включенный в международные сети, переносит практики управления экономически развитых стран на региональный и локальный уровень. При этом соблюдаются международные права местного населения, даже если население не озабочено тем, что его права ущемляются.

Это делается бизнесом не столько для местных сообществ и коренных малочисленных народов, сколько для западного потребителя, предъявляющего высокие экологические и социальные требования к производству продукции.

Изменения и гибридизация управления в лесном секторе России под влиянием глобального процесса FSC связана с существованием международного механизма контроля за исполнением стандартов. На наших примерах мы показали, как работают эти системы контроля. Однако, отметим, что социальный и экологический блоки правил FSC выполняется, так как контроль осуществляется не только со стороны аудиторов, аккредитованных FSC, но и со стороны международных экоНГО и инвесторов — международных финансовых и торговых структур. Такими инвесторами являются, например, Всемирный Банк и ИКЕЯ, которым международные экологические и социальные НГО путем формирования мнения мирового сообщества и отношения западных вкладчиков и потребителей вменили в обязанность учитывать интересы ныне живущих и будущих поколений, то есть проводить политику устойчивого развития.

Однако, поскольку изменение управления лесами в России происходит под влиянием международных «зеленых» и ангажированных ими инвесторов, а не социальных организаций, то их больше интересуют экологические критерии ДЛС. Несоблюдение последних влечет за собой непременную ликвидацию или приостановку сертификата, тогда как несоблюдение социальных требований может долгое время оставаться «незамеченным». Вместе с тем региональные отраслевые профсоюзы и НГО становятся той реальной силой, которая в будущем сможет влиять на сертифицированные компании, следить за исполнением социальных стандартов и добиваться новых социальных гарантий.

Благодарности

Написание этой статьи стало возможным благодаря поддержке 2-х грантов Финской Академии наук. Полевая работа и анализ данных в поселках Малошуйка, Двинской, Кадниковский, а также в городах Белозерске и Архангельске осуществлялись при поддержке Финской Академии наук (грант № 203964 — проект «Управление природными ре-

сурсами Северо-Запада России»). Совместное с финским коллегой написание данной статьи осуществлялось в Университете Йонсуу при поддержке Финской Академии наук (грант № 107885 — Программа приглашения в Финляндию ученых из России).

Авторы благодарят руководство предприятий Череповецлес и Белозерского ЛПХ, Онежского ЛДК и Малошуйкалес, ООО Даммерс и Двинского ЛПХ, а также Вожегалес за большую помощь в проведении полевого исследования в поселках и на предприятиях. Мы также благодарны сотрудникам экологических НГО Сергею Федорову и Николаю Белугину за существенную помощь в организации и проведении исследования в г. Архангельске. Особой благодарности заслуживают все информанты, давшие нам интервью, поделившиеся своими знаниями и видением проблем.

Литература

Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / Под ред. А. Филиппова (Послесловие). М.: Прогресс-Традиция, 2000.

Кулясов И.П., Кулясова А.А. Возможности экологической модернизации градообразующих предприятий на примере Сокольского ЦБК // Экологическая модернизация лесного сектора в России и США / Под ред. М.С. Тысячнюк, А.А. Кулясовой, И.П. Кулясова, С.С. Пчелкиной. СПб.: НИИХ СПбГУ, 2003.

Кулясов И.П. Об опыте общественного участия в процессе добровольной лесной сертификации по системе FSC на Северо-Западе России // Спектрум: Экология в Северо-Западном регионе России. СПб.: ТЭИА, 2004а. Октябрь. <http://www.spectrum.net.ru>.

Кулясов И.П. Экологическая модернизация: теория и практики / Под ред. Ю.Н. Пахомова (предисловие). СПб. НИИХ СПбГУ, 2004б.

Кулясов И.П. Социальная ответственность лесного бизнеса // Гражданское содружество. 2005. № 3 (5). Март.

Кулясов И.П., Кулясова А.А., Пчелкина С.С. Региональные аспекты глобального процесса лесной сертификации // Регион: экономика и социология. 2005. № 4.

Кулясова А.А., Кулясов И.П. Реструктуризация государственных природоохранных органов // Охрана водосборов в

России и США / Под ред. М.С. Тысячнюк, И.П. Кулясова, А.А. Кулясовой. Вологда: ВИРО, 2001а.

Кулясова А.А., Кулясов И.П. Уровни разработки концепции и реализации устойчивого развития // Зеленый мир. 2001б. № 1-2. Январь.

Кулясова А.А., Кулясов И.П. Российская национальная добровольная лесная сертификация (на примере ЗАО «Вожегалес» и поселка Кадниковский Вологодской области) // Спектрум: Экология в Северо-Западном регионе России. СПб: ТЭИА, 2005. Февраль. <http://www.spectrum.net.ru>.

Кулясова А.А., Пчелкина С.С. Преломление глобальных процессов в конкретной локальности (на примере поселка Малошуйка Архангельской области) // Спектрум: Экология в Северо-западном регионе России. СПб: ТЭИА, 2004. Март. <http://www.spectrum.teia.ru>.

О'Рурке Д. Глобальное и локальное управление: усиление негосударственных систем регулирования труда // Социология и социальная антропология / Пер. с англ. и ред. А.А. Кулясовой. 2006. (данный спецвыпуск).

Пчелкина С.С., Кулясова А.А., Кулясов И.П. Лесная сертификация по системе FSC на примере Малошуйкалес и Двинского ЛПХ // Лесной бюллетень. 2004. №3 (26). Декабрь.

Тысячнюк М.С. Международные общественные экологические организации: акторы экологической модернизации в лесном секторе России // Экологическая модернизация лесного сектора в России и США / Под ред. М.С. Тысячнюк, А.А. Кулясовой, И.П. Кулясова, С.С. Пчелкиной. СПб.: НИИХ СПбГУ, 2003а.

Тысячнюк М.С. Деятельность WWF по созданию модельных лесов в России // Экологическая модернизация лесного сектора в России и США / Под ред. М.С. Тысячнюк, А.А. Кулясовой, И.П. Кулясова, С.С. Пчелкиной. СПб.: НИИХ СПбГУ, 2003б.

Тысячнюк М.С., Кулясова А.А., Пчелкина С.С. Роль международных общественных организаций в формировании новой социально-экологической политики // Исследования социальной политики. 2005. № 3.

Ядов В. Стратегия социологического исследования. М.: Добросвет, 1999.

Cashor B., Auld G., Newson D. *Governing Through Markets: Forest Certification and the Emergence of Non-State Authority*. New Haven, London: Yale University Press, 2004.

Cutler C., Haufler V., Ponter T. (eds.) *Private Authority and International Affairs*. Albany, New York: State Univ. Press, 1999.

Daniel C., Ivanova M. *Global Public Policy Networks as Coalitions for Change in Global Environmental Governance: Opinions and Opportunities in ESTY*. New Heaven: Yale School of Forestry and Environmental Studies, 2002.

Ettlinger N. *Local trajectories in the global economy // Progress in Human Geography*. 1999. No. 23 (3).

Howitt R. *Scale and the other: Levinas and geography // Geoforum*. 2002. No. 33.

Howitt R. *Scale. A Companion to Political Geography / Eds. J. Agnew, K. Mitchell, G. Toal*. Oxford: Blackwell, 2003.

Ioffe G., Nefedova T. *Continuity and Change in Rural Russia. A Geographical Perspective*. Oxford: Westview Press, 1998.

Kobyzev S.B. *Internationalization of Russian pulp and Paper Company — JSC Ilim Pulp Enterprise // East Goes West — Internationalization of Eastern Enterprises / Ed. K.Liuhto*. Lappeenranta: Lappeenranta University of Technology, *Studies in Industrial Engineering and Management*, 2001. No. 14.

Kortelainen J., Kotilainen J. *Ownership changes and transformation of the Russian pulp and paper industry // Eurasian Geography and Economics*. 2001. No. 44 (5).

Kosonen R. *The use of regulation and governance theories in research on post-socialism: The adaptation of enterprises in Vyborg // European Planning Studies*. 2005. No. 13 (1).

Kuliasova A.A., Kuliasov I.P. *Rerganisation of Environmental Administration // Environmental Transformations in the Russian Forest Industry: Key Actors and Local Development / Eds. J. Kortelainen, J. Kotilainen*. Joensuu: University of Joensuu, Karelian Institute, 2002a.

Kuliasova A.A., Kuliasov I.P. *Local Case Study 1: Sokol'skiy Pulp and Paper Mill // Environmental Transformations in the Russian Forest Industry: Key Actors and Local Development / Eds. J. Kortelainen, J. Kotilainen*. Joensuu: University of Joensuu, Karelian Institute, 2002b.

Latour B. *We have never been modern*. Hemel Hempstead: Harvester Wheatsheaf, 1993.

Lilja K., Tainio R., Turnqvist S. Adjusting to macro-economic reforms in Russia: The crisis case of the Svetogorsk mills // *Industrial and Environmental Crisis Quarterly*. 1994. No. 8 (1).

Reinike W. *Global Public Policy: Governing without Government*. Washington DC.: Booking Institution Press, 1998.

Rodney B., Biersteker H., Biersteker Th. (eds.) *The Emergence of Private Authority in Global Governance*. New York: Cambridge University Press, 2002.

Whatmore S. *Hybrid geographies. Natures, cultures, spaces*. London: Sage, 2002.